

ОТЗЫВ
официального оппонента
к.ф.н., PhD, профессора НИУ ВШЭ Углевой Анастасии Валерьевны
на диссертацию Дорофеева Якова Станиславовича на тему
«Типология и дискурс Власти в философии А. Кожева»,
представленную на соискание
ученой степени кандидата философских наук
по научной специальности 5.7.2 – история философии

Диссертационное исследование Якова Станиславовича Дорофеева посвящено комплексному анализу одной из центральных, но при этом недостаточно и не систематически изученных тем в наследии Александра Кожева – проблемы Власти, рассматриваемой диссертантом с точки зрения ее типологизации и дискурсивного выражения. Эта тема особенно востребована в контексте «онтологического поворота» в политической теории, который стремится вернуть в научный дискурс фундаментальные вопросы о человеческом бытии и природе политического мира. От них долгое время отказывались в пользу узкого эмпиризма и методологического нейтралитета. В современной философии сложилась тенденция к отделению онтологии от метафизической традиции, восходящей к Платону, Аристотелю, Августину и Гегелю. Основные источники этой тенденции — феноменология, экзистенциализм, постструктурализм и неопрагматизм, а её ключевые фигуры — Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Т. Адорно, М. Фуко, Ж. Делёз, Р. Рорти и др. Несмотря на репутацию Кожева как, прежде всего, интерпретатора Гегеля, его концепция Власти оказывается радикально отличной как от постметафизических построений, так и от сведения к канонической диалектике Господина и Раба. Кожев возвращается к фундаментальным вопросам классической онтологии, увязывая феномен Власти с проблемами историчности и антропологии.

Данное диссертационное исследование является актуальным в силу, во-первых, того, что в отечественной и зарубежной науке отсутствуют работы, посвящённые систематическому анализу кожевской теории Власти на материале трактата «Понятие Власти»; во-вторых, работа Кожева предлагает мощный концептуальный аппарат для использования его в современных дискуссиях о легитимности, политическом признании и безличных механизмах господства. Значимость данного исследования в том, что оно восполняет существующий пробел, осуществляя детальный анализ «Понятия Власти», вводя в научный оборот забытых авторов («контрпросветителей») и проводя новаторское сопоставление типологии Власти Кожева с теорией дискурсов Ж. Лакана. Этот подход позволяет не только деконструировать стереотип о Кожеве-гегельянце, но и предложить новые инструменты для диагностики кризисных явлений в современной политике и политической теории.

Постановка исследовательской проблемы в диссертации отличается высокой степенью рефлексивности. Автор убедительно обосновывает актуальность обращения к онтологическим аспектам Власти в контексте современных политико-философских дискуссий. Цель (реконструкция и системный анализ типологии и дискурса Власти) и задачи диссертации полностью соответствуют исследовательской проблеме и задаче

последовательно решаются в работе. Избранная автором диссертации методология является одной из сильных сторон исследования. Автор применяет комплекс методов, релевантных для историко-философского исследования: таковы концептуальная реконструкция, дискурс-анализ, компаративный подход. Данная методология позволяет не просто системно изложить идеи Кожева, но и выявить их внутреннюю логику и противоречия.

Структура работы логична и последовательна, она соответствует цели и задачам исследования. Первая глава («Концептуализация феномена Власти») посвящена реконструкции кожевской антропологии. Ключевой ее тезис состоит в том, что фундаментом типологии у Кожева является его интерпретация гегелевской диалектики Господина и Раба, где вождение и борьба за Признание выступают онтологическими предпосылками Власти. Во второй главе («Антропологическая “квадрема” Власти в контрреволюционном зеркале») автор верифицирует типологию Власти Кожева на материале контрреволюционных мыслителей (де Местр, Шиллер, Шатобриан, Бёрк), демонстрируя эвристический потенциал предложенной классификации, систематизирует и анализирует эволюцию самой типологии Кожева, прослеживая ее от классической дихотомии до более сложных конструкций, включающих фигуры Ученого, Судьи и Чиновника. Ключевой тезис этой главы состоит в том, что типология Власти у Кожева не статична, а исторически и концептуально подвижна, отражая переход от «качественной» власти Господина к «количественной» административной власти универсального и гомогенного Государства. Наконец, третья глава («А. Кожев и Ж. Лакан: от типологии Власти к дискурсам») показывает, как Власть инкорпорирована в речь и язык. Автор убедительно показывает, что для Кожева философский дискурс сам является формой власти (власти истины), которая в конце истории должна быть замещена или сосуществовать с дискурсом мудрости и дискурсом Чиновника. Здесь же устанавливаются структурные параллели между типологией Власти Кожева и дискурсами Лакана, а также вводится концепт "Власти Капитала" как пятого, имплицитного типа.

Заключение к диссертации содержит основные выводы и оценку значимости концепции Кожева. Выводы лаконично, ясно и четко резюмируют основные положения данного исследования.

Тезисы, выносимые Я.С. Дорофеевым на защиту, логически выстроены, каждый последующий развивает предыдущий. Они демонстрируют знание и понимание диссертантом первоисточников, умение критически их анализировать и выстраивать сложные межтеоретические взаимосвязи. Работа содержит несколько существенных оригинальных элементов. Речь идет, прежде всего, об историко-философской конкретизации типологии Власти Кожева (тезис 4), детальной корреляции типологий Кожева и Лакана (тезис 5) и провокационном синтезе кожевской «божественной Власти» с дискурсом капитализма и акселерационизмом (тезис 6). Остальные тезисы, в целом, не новы. Так, тезис 1 о природе Власти и признания является качественной философской реконструкцией, но это скорее интерпретация, чем совершенно новое слово в истории философии. Однако такая четкость изложения необходима как фундамент для последующих, более оригинальных тезисов. Тезис 2 о насилии и гуманизме показывает, что известный отказ от чистого насилия как основы Власти (ибо оно уничтожает другого и,

следовательно, саму возможность признания) на практике оборачивается необходимостью допустить политическое насилие. Это тонкое и важное наблюдение, отделяющее логику системы Кожева от гуманистического идеала. И хотя о «темной стороне» Кожева уже немало написано, формулировка в виде апории (одностороннее признание → необходимость насилия) является довольно продуктивной для дальнейшего анализа. Что касается тезиса 3 об институциональных и безличных формах Власти, то, по сути, это классическая и обоснованная критика Кожева с позиций более социологизированной марксистской традиции. Автор справедливо указывает на ограниченность межличностной, антропологической модели перед лицом безличных механизмов господства, таких как Власть капитала. То есть сама по себе критика не нова, но ее включение в данный конкретный анализ и, что важнее, связь с последующими тезисами (о Лакане и дискурсе капитализма) придает ей новое звучание. Кроме того, диссертант не только эксплицирует сильные стороны теории Кожева (связь Власти и признания), но и указывает на ее системные слабости (проблема насилия, игнорирование безличных форм Власти) и предлагает пути их преодоления через диалог с другими традициями. Это значимый вклад в современную политическую онтологию.

Я.С. Дорофеев свободно оперирует сложными понятиями из разных философских систем, видит их внутренние противоречия и точки соприкосновения. Стиль изложения в диссертации четкий, емкий и соответствующий академическим стандартам. Работа носит не компилятивный, а именно исследовательский и творческий характер, что также является ее явным преимуществом.

При всех безусловных достоинствах работы, есть к ней и несколько вопросов.

Во-первых, это касается кажущейся несколько чрезмерной систематизации мысли Кожева. Кожев — мастер провокации, намек, игры. Его тексты часто сознательно фрагментарны и ироничны, афористичны и иногда намеренно не завершены. Диссертация, будучи академическим жанром, стремится выстроить стройную систему там, где сам автор мог намеренно оставлять «зазоры». Это создает риск «причесывания» под систему и сглаживания внутренних напряжений его мысли.

Во-вторых, это недостаточная, на мой взгляд, проблематизация «конца истории». Диссертант принимает концепцию «конца истории» как данность, как рамку для анализа дискурса. Однако статус этого «конца» у самого Кожева — одна из самых спорных тем. Был ли это пророческий диагноз, ироническая метафора, политический проект или философская необходимость? От ответа на этот вопрос зависит интерпретация всей типологии власти.

В-третьих, мне представляется довольно слабо прописанной связь с более широким философским контекстом Власти. Диссертант отлично справляется с контекстом внутри кожевизма, но аргументы автора недостаточно убедительны без позиционирования Кожева на карте философии Власти XX века (например, в сравнении с М. Фуко, для которого Власть — это сеть отношений, а не борьба за признание, или с К. Шмиттом, с которым Кожев вел прямую переписку о понятии «Врага». Да, кое-что об этом в диссертации написано, но анализ довольно поверхностный).

В-четвертых, в диссертации фигура Чиновника — этого ключевого актора «конца истории», — описана, но недостаточно критически проанализирована. Что такое «Власть без

желания»? Не является ли это внутренним противоречием в рамках самой кожевской антропологии, где желание — двигатель истории?

В этом контексте хотелось бы задать Якову Станиславовичу несколько вопросов.

1. Насколько можно судить из текста диссертации, в ней утверждается, что в конце истории дискурс Власти трансформируется. Однако, хотелось бы уточнить: сам «конец истории» у Кожева — это онтологический итог, политический проект или просто риторический прием, необходимый для завершения его философской системы? Кажется, что здесь позиция самого Кожева выглядит несколько уязвимой и спорной.

2. Кожев строит свою антропологию на основе «негативности», «желания желания», борьбы за признание. Но конечное состояние Универсального и Гомогенного Государства, управляемого Чиновником, выглядит как царство «позитивности», удовлетворенности и исчезновения подлинного желания. Нет ли здесь фундаментального противоречия в его системе: конец истории есть отрицание того антропологического принципа, который эту историю и запустил?

3. В диссертации Власть у Кожева в основном связана с признанием и дискурсом. Однако, не является ли у него фундаментальным основанием Власти именно насилие (борьба не на жизнь, а на смерть)? Куда «исчезает» насилие в его более поздних типологиях (Ученый, Чиновник)? Не происходит ли здесь «санирования» концепции Власти, ее денатурализация?

4. В диссертации осуществлена тщательная реконструкция типологии Власти у Кожева. Но сам Кожев был не просто философом, а мощным интерпретатором Гегеля, чья власть над текстом породила целую традицию. Не является данная диссертация в каком-то смысле упражнением в том самом «дискурсе Ученого», который в ней анализируется, то есть утверждением власти над текстом Кожева через его систематизацию? Как диссертант рефлексировал свою собственную позицию власти по отношению к исследуемому материалу?

5. Кожев, закончив философскую карьеру, стал одним из архитекторов европейской торговой политики (чиновником в прямом смысле). Насколько его поздняя типология Власти, включающая фигуру Чиновника, является оправданием его собственного политического выбора и той формы Власти (технократической, пост-идеологической), которую он сам и воплощал? У этого вопроса и биографический, и метафизический смысл: можно ли видеть философию не как чистую теорию, а как проект, имеющий прямые жизненные и политические проекции?

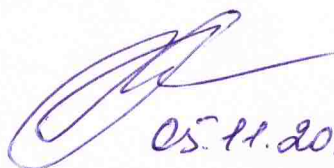
6. Диссертация демонстрирует актуальность концепции Власти Кожева для анализа современных форм господства. Но в эпоху цифровых платформ, алгоритмического управления и «войны за внимание» классическая гегелевско-кожевская схема "Господин-Раб" и даже "Чиновник" кажутся несколько архаичными. Каковы границы применимости его теории для анализа Власти и политических процессов в XXI веке? Какие понятия из арсенала Кожева сохраняют свою актуальность, продуктивность и хорошо вписываются в современную картину мира, а какие, напротив, устарели или нуждаются в пересмотре?

Диссертация Якова Станиславовича Дорофеева представляет собой зрелую, самостоятельную и научно значимую работу. Автор демонстрирует глубокие профессиональные знания, владение методологией историко-философского исследования

и способность к критическому анализу сложных философских концепций. Выказанные критические замечания носят конструктивный характер и не умаляют достоинств данного диссертационного исследования.

Диссертация Дорофеева Якова Станиславовича «Типология и дискурс Власти в философии А. Кожева» соответствует паспорту научной специальности 5.7.2 – история философии, отвечает требованиям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук.

Профессор Школы философии и культурологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
кандидат философских наук,
PhD, доцент

05.11.2025

Углева Анастасия Валерьевна

109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
тел. +7 (495) 772 905 90
e-mail: augleva@hse.ru

Подпись заверяю

СПЕЦИАЛИСТ
ПЕРСОНАЛУ
Голубева Е. П.

27. 11. 2025

